

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za rusku književnost

Diplomski rad

Образ истерички у Ф. М. Достоевског и В. Брюсова

Kandidatkinja: Mirjana Komerički
Mentorica: dr.sc. Živa Benčić – Primc
ak. god: 2009/2010.

U Zagrebu, listopad 2010.

Содержание:

1. Введение	3
2. Истерия	5
2.1. История истерии	7
3. Фёдор Михайлович Достоевский	10
3.1. Роман Бесы	11
4. Валерий Яковлевич Брюсов.....	13
4.1. Роман Огненный ангел.....	14
5. Анализ образов истеричек у Ф. М. Достоевского и В. Брюсова	16
5.1. Лизавета Николаевна Тушина.....	17
5.2. Рената.....	20
5.3. Сходства и различия Лизы и Ренаты	24
6. Превосходство Ренаты. Почему образ истерички написан более ярко у Брюсова, чем у Достоевского	26
7. Заключение	30
8. Резюме на хорватском языке (Sažetak na hrvatskom jeziku).....	32
9. Литература	33

1. Введение

Художественная литература, в течение всей своей истории, показала читателям почти все явления, которые мы наблюдаем и в истории нашего мира. В литературе свое место нашли войны, научные открытия, известные исторические персонажи, культурные особенности разных периодов и народов и прочее. Литература показала нам и все особенности человеческой жизни, эмоциональные переживания, как например любовь, счастье, ненависть, радость и грусть. Вместе с элементами повседневной жизни, в литературе встречаем и явления, которые существуют только в нашей мечте.

Мы не будем перечислять все возможные явления и их интерпретации в художественной литературе, а остановимся на одном особом явлении – истерии. Истерия, как и многие другие психические расстройства, в литературе встречается и у писателей и у героев произведения. Герои, страдающие разными психическими расстройствами, представляют не новое явление в литературе. Они всегда были интересны из-за своей необыкновенности, то есть из-за своего отклонения от нормального поведения. Истерические герои на мир смотрят с новой, иной точки зрения. Герои, страдающие от истерии, благодаря своей живости, подвижности и способности играть всевозможные роли, могут чрезвычайно оживить рассказ и сюжетную канву (Леонгард 2001). Интерес писателей к истерии, может быть, увеличился и из-за того, что истерия часто связывалась с сексуальным поведением, которое до середины 20 века считалось табу темой. В основном речь идет о женских героях, которые страдают от истерии, но наблюдаем и мужских. В нашей работе мы будем подробнее заниматься двумя героинями русской художественной литературы.

Первая из них – Лизавета Николаевна Тушина, героиня романа *Бесы*, Ф. М. Достоевского. Она, по мнению некоторых авторов, представляет собой первую истеричку в русской литературе. Достоевский, описывая некоторые её реакции и поведения, даже и использовал прилагательное «истерический». Он написал, что она страдает нервной болезнью, но не назвал её истеричкой. Всё-таки, он подарил ей почти все характеристики истерички, даже и описал некоторые типичные симптомы этого психического расстройства.

Вторая героиня, которой мы будем заниматься – Рената, героиня романа *Огненный ангел* В.Я. Брюсова. Брюсов не назвал её истеричкой, а описал её как девушку

одержимую дьяволом. Если учитывать, что действие романа происходит в XVI веке, когда истерию толковали как одержимость дьяволом, можно заключить, что Брюсов свою героиню и назвал истеричкой, только истеричкой XVI века. В отличие от Лизы, появление Ренаты было мотивировано настоящей жизнью Брюсова, то есть его любовницей Ниной Петровской. Этот роман можно интерпретировать почти как тематическое исследование болезни одной женщины.

В нашей работе мы проведем сравнение этих двух героинь. Перед тем надо указать на самое понятие истерии, когда это психическое расстройство появилось, как его понимали в истории, что изменилось. Тоже обратим внимание и на основные симптомы и причины истерии.

Героини мы будем рассматривать в рамках творчества их авторов. Авторы писали в разных эпохах, реализме и символизме, а особенности этих эпох наблюдаем и в творчестве авторов. Укажем и на некоторые особенности авторов, и в какой мере эти особенности отразились на героях. Чтобы получить полную картину о характеристиках героинь, посмотрим и роли, которые они играют в романах.

Лизу и Ренату связывает истерия. Она является причиной их схожести. И Лиза и Рената страдают от припадков, имеют похожее поведение в обществе, но не и одинаковое. Эти героини созданы не как идеальный тип истерички на основе стереотипов. Они имеют свои особенности, которые указывают и на разницу между ними. Кроме того, что они имеют разные позиции в обществе, интересы и способы их общения. Наблюдаем и разницу между характером их болезни. Прочитав эти романы, сразу бросается в глаза, что Рената является, условно говоря, сильнее Лизи. Симптомы истерии в Ренате ярче выражены, она имеет более интенсивные переживания эмоции, чем Лиза. Эту разницу можно объяснить несколькими способами. В нашей работе мы укажем на некоторые возможные толкования этой разницы между героинями. Эти толкования связаны с ролью героинь в романе, настоящей жизнью авторов и характеристиками символизма и реализма как литературными эпохами.

2. Истерия

Термин «истерия» происходит от древнегреческого слова *ἰστέρα* «матка». Этимология этого слова связана с понятием истерии в древние времена, но об этом ещё будет речи. Кроме названия истерия, сегодня в научной литературе встречаем и термин конверсионное расстройство.

Со временем понятие истерии изменялось. Это видно и в терминах, зафиксированных в словарях. Так, например, в *Толковом словаре живого великорусского языка*, В. И. Даля, первый раз печатанном в 1880 году, наблюдаем следующую дефиницию истерии: «Истерика – женская нервическая болезнь, известная бесконечным разнообразием припадков, более шумных, чем опасных». В современном толковом словаре русского языка Ожегова и Шведовой, печатаном в 2003 году, встречаем дефиницию «Истерия – психическое заболевание, выражающейся в судорожных припадках, в слезах, смехе, криках». Сравнивая эти две дефиниции, увидим, что со временем истерия начала связываться и с заболеваниями мужчин и что отношение к истерии как болезни изменилось, то есть она считается не безопасной болезнью.

В словаре Ожегова и Шведовой, кроме уже упомянутой дефиниции, наблюдаем и переносное значение истерии. В словаре стоит, что слово истерия обозначает и «безудержную и лживую пропаганду, стремящуюся запугать, нагнетая страх». Истерия в таком значении часто используется в синтагмах как *военная истерия* или *массовая истерия*. Интересным является и то, что истерия обозначает и вид поведения, который не является последствием болезни. Это видно тоже в словарях, в прилагательном истерический, который в словаре объясняется как: «1. Страдающий истерией /.../ 2. Обнаруживающий крайне возбуждённое состояние, свойственный истерикам». Такое употребление слова чаще встречаем в разговорном стиле. Термин истерии употребляется в художественной литературе в значении болезни, которая включает припадки и другие симптомы, и в значении ярких эмоций и сильного переживания чувств¹, чей причиной не является истерия. Поэтому трудно отделить героев, которые страдают истерией, от героев с «истерическим поведением».

---

¹ Яркие эмоции и сильное переживание чувства на самом деле и представляют симптомы истерии, но они появляются и у людей, не страдающих от психических расстройств.

Первой истеричкой в художественной литературе считается Эмма Бовари, героиня романа *Госпожа Бовари*, Гюстава Флобера. Она стала символом истерических женщин в художественной литературе и вызвала многочисленные исследования. Особенность Эммы – её появление представляет собой выражение внутреннего мира (Ender 1995). Она говорит телом. Её тело и поведение выражают внутренние переживания и расстройства. Некоторые авторы считают, что Эмма не является первой истеричкой в художественной литературе, то есть, что существовали такие героини и до её появления. Мы не согласны и покажем, почему нам такое мнение не кажется правильным.

Во-первых, довольно широкое понимание истерии приводит к тому, что совсем разные герои в художественной литературе относят к истерикам. Такой случай наблюдаем в работе Руднева (2002), который, на самом деле, не говорит об истерических героях, а об истерическом дискурсе, внутри которого появляются истерические герои. Несмотря на то, что он приводит все симптомы истерии, мы считаем, что он имеет слишком широкое понимание истерии. Кажется, что он термин истерии употребляет в повседневном значении. Каждое сильное переживание, яркую эмоцию он объясняет истерией. Например, он Татьяну, героиню *Евгения Онегина*, считает истеричкой из-за её «плавающей идентичности» (Руднев 2002). Он так же написал, что только истерией можно объяснит некоторые поступки Татьяны, как например написание любовного письма. Такое поведение девушки в начале XIX века надо отнести к истерии, потому что «нормальная» девушка этого не сделала бы. Считаем, что некоторые особенности Татьяны мы могли бы связать с истерией (например, недостижимость эротического объекта, Онегина), но всё-таки Татьяну не считаем истеричкой. Она ведёт себя очень спокойно, рационально. У неё нет припадков, резких изменений настроения, ни других симптомов истерии. Мы приводим пример Татьяны, чтобы показать широту понятия истерии. Такое широкое понимание этой болезни привело к тому, что нет ясных рамок истерического поведения, нет чёткого отделения истерических от неистерических героев. Поэтому, многие героини, между прочим и Татьяна, ошибочно определяются как истерички.

Во-вторых, всегда надо иметь в виду развитие научного дискурса истерии. Более объёмный набор знания об истерии появляется в XIX веке. Поэтому до расширения знания об истерии, герои, у которых наблюдаем некоторые симптомы истерии, не можем с полной уверенностью отнести к истерикам. Хороший пример приводить

Леонгард. Он написал, что «в эпоху рококо у дам, принадлежащих к аристократическим кругам, считалось чуть ли не хорошим тоном падать в обморок в связи с малейшими переживаниями», но такое поведение не связываем исключительно с истерией (Леонгард 2001:252).

Андре Бретон и Луи Арагон объявили, что истерия является самым большим поэтическим изобретением XIX века (Шахадат 1999). Только в XIX веке авторы обратили более внимания на эту болезнь, в основном в связи с театром. Шахадат объясняет, что «границы между искусством и болезнью в XIX веке дестабилизируются; актрисы, танцовщицы и декаденты узурпируют истерическое поведение в целях творчества и жизнотворчества, в то время, как истерики вызывают подозрение в актерстве и симуляции. Истерия как болезнь медленно исчезает и превращается в модель для саморепрезентации художника» (Шахадат 1999:1). Такой симбиоз искусства и истерии возник благодаря некоторым известным исследователям истерии. Речь идёт об учёных Шарко и Фрейде.

2.1. История истерии

История истерии начинается уже со времени Древнего Египта, а их взгляды на истерию восприняли и древние Греки. В то время считали, что истерия связана с «голодом» матки или её перемещением вверх, вызывающим нарушение других внутренних органов (Якубик 1982). Поскольку женщины имеют матку, истерия считалась болезнью, от которой страдают только женщины. Только возвращением матки на её прежнее место можно излечить больную. Замечательно, такой вид терапии сохранился до начала 20 века. Египетские и греческие врачи описали симптомы истерии, которые в такой же форме наблюдаем и в современных учебниках психиатрии. Египетские врачи считали, что недостаточная половая активность влияла на эмоциональное равновесие у женщин, но только греческие врачи начали официально признавать сексуальную этиологию истерии (Якубик 1982). Считается, что Гиппократ первый назвал эту болезнь истерией, от древнегреческого слова *ὑστέρη* «матка». Он считал, что половое воздержание ведёт к болезни матки, которая, в зависимости от своего положения, вызывает различные симптомы. Их методы лечения оказались не очень эффективными, поэтому многие больные стали искать помощь у богов, то есть, в религии.

Влияние религии и мистицизма на медицину, в I и II веках, отразилось и на понятие истерии. Резкая перемена в понятии истерии наступила с св. Августином, в начале V века. На психические расстройства, вместе с другими заболеваниями, начали смотреть с точки зрения демонологии. Хотя св. Августин и не писал конкретно об истерии, его взгляды изменили точку зрения на эту болезнь и на отношение общества к больным людям. С этого времени к больным с истерическими расстройствами перестали относиться как к полноценным личностям, а стали считать их одержимыми дьяволом, заколдованными в союзе с дьяволом и еретиками (Якубик 1982).

В средних веках истерия не считалась болезнью, поэтому их часто и не лечили, а наказывали их смертной казнью путем сожжения на костре. И тех, кого лечили, лечили не с точки зрения медицины. Молитва и экзорцизм стали новые терапии и способы лечения, поскольку было принятое мнение, что демоны являются причиной психических расстройств. Люди, страдающие истерией, должны были справиться с ещё добавочным фактором, со страхом. Для этого периода была характерна атмосфера страха, опасности и жестокости, которая была связана с процессами по обвинению в колдовстве. Вместе с мероприятиями церкви во форме папских булл, существовали и инквизиторы отдельных стран. Например, немецкие инквизиторы напечатали книгу «Молот ведьм», которая является примером крайнего фанатизма, абсурда и буквально патологического женоненавистничества (Якубик 1982).

К XVI веку влияние религии начало ослабевать, и истерия снова стала душевной болезнью. Многие врачи начали заниматься этой болезнью и почти все связывали её с сексуальными проблемами. Первый значительный шаг в исследовании истерии сделал Шарль Лепуа. Он первый утвердил, что истерия – болезнь мозга (Якубик 1982). До XIX века появилось ещё несколько исследователей истерии, но никто из них резко не изменил отношение к истерии, то есть понимание истерии как болезни.

Первую половину XIX века характеризовало крайнее противоречие и многообразность мнений, касающихся истерии. Некоторые причину истерии находили в проблемах матки, другие в проблемах яичников, а существовало и мнение, что истерия является болезнью мозга. Самые известные исследователи были Роберт Картер, который исключил из этиологии истерии органические заболевания, и Пьер Жанэ, который истерию считал формой раздвоения личности (Якубик 1982). Только в XIX веке истерия связывалась и с мужчинами и теряет свой этикет женской болезни.

Именно в XIX веке появилась первая истеричка в литературе. Это в основном было возможно благодаря тому, что с истериков снималась стигма, и они могли выступать в качестве положительного героя (Шахадат 1999). На эту перемену положения истериков сильно повлиял врач Жан Мартен Шарко. Свои концепции истерии как болезни, которая состоит из четырёх фаз, он демонстрировал публично на своих лекциях. Таким образом, он познакомил более широкую публику с проблемой истерии. Он истерию считал формой невроза и подчеркивал роль эмоций и внушений в возникновении этой болезни. Его главной заслугой является решительное разграничение истерии как нервного заболевания от симуляции, а также первая попытка логического, рационального и психологического объяснения одержимости, экзорцизма и охоты на ведьм (Якубник 1982).

Самым известным исследователем истерии является Фрейд. В своей известной книге, которую написал вместе с Йозефом Брейером, он определил истерию как болезнь, которая появляется из-за психических травм (Borossa 2003). Травмы он определяет как отрицательное психическое переживание (событие, связанное с переживанием чувства страха, стыда, вины и т. д.) Позже, в своей самой известной студии о Доре, Фрейд заключил, что одной из возможных причин истерии является неугасимое желание. Такое желание тоже часто связано с сексуальными импульсами, которые представляют ещё один фактор возникновения истерии. Фрейд этот фактор объясняет как развитие внутреннего конфликта между стремлением к удовлетворению полового инстинкта и отказом внешнего мира или «суперэго» допустить это удовлетворение, причем доходит до регрессии либидо (Якубник 1982). Его идеи и способы лечения нашли выражение в современной теоретической литературе и в психоаналитической практике.

Истерия сегодня считается соматоформным расстройством, а в медицине и психологии ещё называется конверсионным расстройством (Davison i Neale 2002).

Истерия имеет многие симптомы, которые иногда появляются во форме сильных, эмоциональных реакций. Истерикам свойственна и резкая перемена настроения. Симптомами истерии являются истерические припадки, которые сопровождаются криком или плачем, паралич или парез различных частей тела, онемение, истерическая слепота или глухота, застывание всего тела, различные тики, заикание, особенности походки, головные боли, рыдания и прочее.

3. Фёдор Михайлович Достоевский

Ф. М. Достоевский (1821 - 1881) в истории литературы стал известен как один из лучших реалистов, как в России, так и во всём мире. Кроме этого этикета, Достоевскому принадлежит и этикет автора первого психологического романа в истории художественной литературы. Речь идёт о его романе *Преступление и наказание*, хотя этот роман сильно не отличается от других его произведений. С другой стороны, *Преступление и наказание* считается предшественником современных романов, то есть мы не можем определить этот роман как исконно реалистический. Поскольку его романы сходны с этой точки зрения, творчество Достоевского выходит за рамки реализма и приближается творчеству современной эпохи. Особый стиль его реализма описывают и Ф. Я. Прийма, Н. И. Пруцков (1982). По их мнению, творчество Достоевского характеризует «особый тип философского, психологически углубленного реализма, основанного на обостренном внимании к наиболее сложным и противоречивым формам бытия и общественного сознания его эпохи, на умении достоверно раскрыть в них отражение ее основных, глубинных противоречий» (Прийма, Пруцков 1982:468). Остановимся на психологическом углублении писателя.

Особенность Достоевского – детальное описывание переживаний, эмоций и дум его героев. В основном его героев мы не можем определить как «нормальных» персонажей. Большинство из них страдает от какого-то психического расстройства. Поэтому они являются более интересными. Их реакции, их думы и поведение представляют особый интерес Достоевского. Набоков составил список психических заболеваний, которыми страдают герои Достоевского. Он перечислил несколько расстройств. Во-первых, эпилепсию, от которой страдают Мышкин в *Идиоте* и Кириллов в *Бесах*, во-вторых, старческий маразм, которого наблюдаем у генерала Иволгина в *Идиоте*. Потом истерию, присущую Лизе Тушиной в *Бесах* и Лизе Хохлаковой в *Братьях Карамазовых* и психопатию. Психопатами являются Ставрогин в *Бесах* и Раскольников в *Преступлении и наказании* (Набоков 1999:111-112). Набоков указал на разницу между настоящими истеричками (например, Лиза) и героинями истерического поведения (например, Настасья Филипповна). Он Лизу Тушину описывает как клинический случай истерии. Надо иметь в виду, что Достоевский сам исследовал разные психические расстройства, чтобы, чем вернее, описать их в своих героях. Ренате Лахман (2006) в своей работе говорит о том, что Достоевский был знаком с модным

инвентарем психологических понятий. Можно убедительно доказать, что Достоевский многократно использовал сочинение немецкого врача Ц.-Г. Каруса «Психиатрия», опубликованное в 1846 году (Набоков 1981). Некоторые исследователи Достоевского считали его предшественником Фрейда и Юнга. Но Достоевский себя не считал психологом.

Достоевский к психологии относился отрицательно. Он «видел в ней унижающее человека овеществление его души, сбрасывающее со счета ее свободу» (Бахтин 2002:35). Ему не нравилась психология, потому что она смотрела на человека как законченную структуру, на построенную личность, а строение личности находится под влиянием разных социальных и индивидуальных факторов. Достоевский на людей смотрел, обращая внимание на незаконченность, незавершенность их внутренней личности. Так он относился и к своим героям. Он часто изображал героя в момент его личного кризиса или поворота во мнении, чтобы указать на незаконченность его личности. Он сам сказал: «Меня зовут психологом: не правда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой» (Бахтин 2002:35). Фабула, действие и окружающая среда в романах имеет функцию заставлять героя раскрываться, показать разные аспекты своей личности. Поэтому Достоевский и выходит за рамки реализма, он старается «при полном реализме найти в человеке человека» (Бахтин 2002:35). Можно заключить, что Достоевский на своих героев смотрит не как на явление действительности, которое определяют твердые социальные и индивидуальные характеристики. «Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности» (Бахтин 2002:27). Такой способ изображения героя наблюдаем и в романе *Бесы*.

3.1. Роман *Бесы*

Достоевский, перед тем как написал роман *Бесы*, хотел написать роман о Великом грешнике. Идею этого романа Достоевский считал одной из своих лучших, а следовательно, и роман должен был стать лучшим его романом. Но, к сожалению, Достоевский этот роман не написал. Он понимал, что для написания этого романа ему требуется много времени, времени которого у него не было. Разные жизненные обстоятельства (недостаток денег, обязанность написать роман для Каткова) не

позволили ему в полной, или в довольно, мере работать над романом (Simmons 1940). Достоевский отказался от дальнейших попыток написать этот роман, но вскоре нашел материал для другого романа. В 1871 году, во время, когда Достоевский старался написать Великого грешника, в Петербурге произошло убийство молодого студента Иванова. Это происшествие заинтересовало Достоевского до такой меры, что он положил его в основу своего нового романа *Бесы*.

Главной личностью целой аферы связанной с убийством студента является политический заговорщик С. Г. Нечаев. Он эмигрировал в Швейцарию, где познакомился с русской революционной эмиграцией. Он эмигрантам представил себя как представителя тайного революционного общества в России, которое на самом деле не существовало. Вернувшись в Россию, Нечаев создал несколько политических кружков, а целью таких кружков было всеобщее и повсеместное разрушение. Средства достижения такой цели были разные преступления. Организация постепенно встретила с отпором некоторых членов. Между ними был и студент Иванов, которого, на настаивание Нечаева, убили члены кружка (Прийма, Пруцков 1982).

Некоторые элементы этой истории находим и в романе. Одна часть фабулы относится к революционному движению молодого поколения, которое мотивировано убийством Иванова Нечаевым. В романе, роль Нечаева имеет Пётр Верховенский, который убил Шатова, который был членом организации Верховенского, но вышел из нее. Некоторые учёные протолковали роман как антинигилистический, объясняя свои идеи с помощью негативного оттенка, которым Достоевский описывает организацию и самого Верховенского. Для нас, более интересной является другая часть фабулы, касающаяся Николая Ставрогина и её жизни, а именно его отношения к женщинам.

Николай Ставрогин является очень интересным героем. Simmons (1940) считает, что в нём Достоевский частично изобразил главного героя своего ненаписанного романа Великий грешник. По классификации Набокова, Ставрогин является психопатом. Но нам он интересен в основном из-за своего отношения с Лизой. Лиза является красавицей романа. Почти все герои к ней относились с симпатией и уважением. Она с одной стороны – нежная женщина, которая нуждается в мужской защите, а с другой стороны – она старается делать вид сильной и самостоятельной женщины. К другим женщинам, особенно к Лебядиной, относится относительно грубо и невежливо.

Лиза не является главной героиней романа, но это не значит, что Достоевский не познакомил нас довольно хорошо с ней. Она появляется не в начале романа, а

немножко позже. Она, как и Ставрогин, вернулась в Скворершник, в котором происходит действие романа, со своей матерью, Прасковьей Ивановной. Только позже мы узнаем об её отношениях со Ставригиным. Она была сильно влюблена в него, а то, что между ними произошло за рубежом, нам не разъясняется полностью. Увидев, что Ставрогин не любит её, она решила выйти замуж за Маврикия Николаевича. Она является трагичным героем, который с одной стороны, все делает сознательно, а с другой стороны делает под влиянием своей болезни, истерии. Об её болезни будет ещё речи впереди.

4. Валерий Яковлевич Брюсов

Валерий Яковлевич Брюсов, которого некоторые авторы считают основателем русского символизма, родился в Москве, в 1873 г., а умер в 1924 г. Брюсов стал известным автором уже в 1894 г., как автор сборников *Русские символисты*. Рядом с тем, что Брюсов считается основателем русского символизма, он стал известен и как один из лучших представителей русского декадентства. Говоря об эволюции русского символизма, Минц (2006), творчество Брюсова определяет как «позитивный дьяволизм» или «магический символизм». В своей работе Брюсов ориентировался на творчество Верлена, Рембо и Малларме и об их творчестве написал в своих *Дневниках*: «Это было для меня целым откровением» (Келдыш 2007:100). Лучшими сборниками его поэзии считаются *Tertia Vigilia* (1900), *Urbi et Orbi* (1903), *Stephanos* (1906), в которых появляется его особый стиль, благодаря которому Брюсов стал известен как «поэт мрамора и бронзы».

Кроме того, Брюсов стал известен и своей жизненной установкой, «быть может, все в жизни лишь средство для ярю-певучих стихов». Такая установка связана с пониманием основной функции литературы в символизме. Она является выражением того времени. Ходасевич (1993), описывая эпоху и жизнь символистов, сказал, что они: «пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные, в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались, как только и просто жизненные; они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратно: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием

для всех. Таким образом, и действительность, и литература создавались как бы общими, порою враждующими, но и во вражде соединенными силами всех, попавших в эту необычайную жизнь, в это "символическое измерение"». Эта связь действительности и литературы, идея, что все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов, является и основой его романа *Огненный ангел*. Этот роман показывает, насколько его жизнь выражена в его творчестве, и наоборот. Такое мнение разъясним позже на примере.

Творчество Брюсова выражает и его заинтересованность в истории и оккультизме. Белецкий (1993) описал, как Брюсов понимал историю, и какую функцию история играла в его творчестве. По его мнению, историческое прошлое для Брюсова почти всегда являлось призмой, сквозь которую он наблюдал и осмыслял настоящее. Такое отношение к истории и интерес Брюсова к оккультизму показывает нам и роман *Огненный ангел*.

4.1. Роман *Огненный ангел*

Действие романа происходит в шестнадцатой вековой Германии. Брюсов хотел написать исторический роман, в котором главными героями были бы известные исторические личности, как например Мартин Лютер, но с временем роман приобрел личный характер. Таким образом, он уменьшил долю исторических элементов, но они не исчезли полностью. Брюсов отдал много внимания исторической достоверности. Он описал одежду, которую носили люди в Германии в этом периоде, повседневную жизнь, даже и точные зоологические данные этого периода. Такие исторические элементы усиливают историческую достоверность романа, но они на самом деле являются попутными данными. Белецкий (1993) написал, что из XVI века в романе будет показана только одна его сторона - развитие демонологических воззрений, "оккультных знаний"; это будет фоном для раскрытия "особенностей психологии женской души". Чтобы чем вернее показать, как относились в XVI веке к «ведьмам», Брюсов пользовался разными источниками. Например, он пользовался справочником-словарём демонологии и оккультизма Колина де Планси, исследованием Жюль Бессака по истории колдовства и ведьмовских процессов и знаменитым "Молотом ведьм", «который в повести извлекает из кармана своей рясы инквизитор брат Фома,

начиная допрашивать Ренату» (Белецкий 1993). По нашему мнению самым интересным источником является сочинение ученика Агриппы Иоганна Вира (Вейера), потому что он представляет одного из первых противников веры в ведьм. Особенность сочинения Вира, а и то, что представляет большой интерес для нас - это его направленность на защиту несчастных женщин, «ведьм», страдающих истерией или другими видами психоневрологических заболеваний. Истерия в романе связана и с другой особенностью его творчества, которая выражена в романе – со соединением творчества и действительности.

Герои романа, Рената, Рупрехт и Генрих, были мотивированы настоящей жизнью Брюсова, точнее, отношения между героями отражали отношения между Брюсовым, Ниной Петровской и Андреем Белым.

Об этом сходстве писал и Андрей Белый. Отношения между Белым и Брюсовым были очень сложны и интересны². Их отношения стали ухудшаться во время, когда в их жизни появилась Нина. Брюсов тогда начал странно относиться к Белому, задавал ему странные вопросы, относился к нему очень любопытно. Белый писал: «Брюсов меня гипнотизирует; всеми своими разговорами он меня поворачивает на мрак моей жизни; я не подозреваю подлинных причин такого странного внимания ко мне Брюсова» (Гречишкин, Лавров 2010). Белому все разъяснилось, когда он прочитал первую часть романа: «он, бросивши плащ на меня, заставлял непроизвольно меня в месяцах ему позировать, ставя вопросы из своего романа и заставляя на них отвечать; я же, не зная романа, не понимал, зачем он, за мною – точно гоняясь, высматривает мою подноготную и экзаменует вопросами: о суеверии, о магии, о гипнотизме, который-де он практикует; когда стали печататься главы романа “Огненный Ангел”, я понял “стилистику” его вопросов ко мне» (Гречишкин, Лавров 2010). Отношения между Брюсовым и Белым со временем улучшились. Роман, конечно, повлиял на их отношение, но не в той мере, в какой он повлиял на Нину. Он настолько повлиял на Нину, что она иногда подписывала свои письма именем Ренаты.

Андрей Белый описал Нину как «раздво вную во всем, бо вную, истерзанную несчастной жизнью, с отчетливым психопатизмом. Она была - грустная, нежная, добрая, способная отдаваться словам, которые вокруг нее раздавались, почти до безумия; она переживала все, что ни напевали ей в уши, с такой яркой силой, что

---

² Отличное выражение этого отношения наблюдаем в их стихотворениях, которые они написали друг другу. Например, *Бальдеру Локи* (Брюсов) или *Старинному врагу* (Белый).

жила исключительно словами других» (Белый 2006:429). Ходасевич написал, что Нина очень умела «попадать в тон», что во всем она хотела доходить до конца. Её сильное переживание всех чувств является очень интересным, когда речь идёт о любви. Она влюбилась в Андрея Белого, но эта любовь закончила нелепо. Как написал Ходасевич, Нина оказалась брошенной и оскорбленной. Она нашла утешение в Брюсове, но любовь к Белому ещё существовала. Она стала музой Брюсова. Когда Брюсов исчерпал все её эмоции, отчаяния, он стал отдаляться от неё. Нина, на самом деле, была истеричка, поэтому она особенно привлекала Брюсова. Из этого отношения, увлечения Ниной, появилась Рената – её литературный двойник, настолько достоверен, что Нина сжилась с ролью Ренаты. Белый, комментируя роман, написал: «там дан натуралистически написанный с нее портрет; он писался два года, в эпоху горестной путаницы между нею, Брюсовыми и мною / . . . / был исторический, скрупулезно изученный Брюсовым, - точно отчет о бредах Нина, точно диссертация, написанная на тему об ее нервном заболевании» (Белый 2006:434).

Рената, в отличие от Лизы, является одной из главных героев романа. Она появляется почти в начале романа, и большая часть действия романа с этого момента близко связана с ней. В романе узнаем, что она сильно влюблена в графа Генриха, одновременно и любит и ненавидит главного героя Рупрехта. Она является нежной, слабой и больной женщиной, которая зависит от помощи других. Уже сказали, что она – одержимая дьяволом и это отражается и на её поведение. Одержимость дьяволом исчерпывает её, и психически и физически. Её болезнь, истерия, мешает ей нормально общаться с другими в большей степени, чем мешает Лизе. Рената, как и Лиза, умирает в конце романа. Обратим внимание на особенности их болезни.

5. Анализ образов истеричек у Ф. М. Достоевского и В. Брюсова

Мы будем опираться на мнение Фрейда, чтобы показать, почему считаем Лизу Тушину и Ренату настоящими истеричками. Лиза и Рената, кроме истерического поведения, страдают и другими симптомами истерии. Их авторы не описали только симптомы истерии, а также указали на возможные причины появления истерии. Как мы уже сказали, причиной истерии в основном является психическая травма, а большую роль в появлении истерии играет и неугасимое желание. Это желание часто связано с

сексуальными импульсами, точнее со стремлением к удовлетворению полового инстинкта, которое нельзя или невозможно удовлетворить. Наличие этих причин приводит к заболеванию истерией, как у Лизы, так и у Ренаты.

5.1. Лизавета Николаевна Тушина

Лиза, по мнению Ренаты Лахманн, является только одним из многих истерических героев романа *Бесы*. Она считает, что в этом романе почти все герои ведут себя истерически, и их речь является истерической. В этом романе встречаем много скандалов, чрезвычайных происшествий, как убийств, поджогов, самоубийств, иррациональных диалогов о Боге, народе или смерти. Всё это усиливает истерическое поведение и истерический дискурс героев (Лахманн 2006). Трудно не согласиться с этим замечанием, поскольку в романе большинство героев характеризуют внезапные движения, неожиданные высказывания, смех, восклицания и нарушение нормы умеренного поведения. Но мы считаем, что у Лизы, по сравнению с другими героями, истерия более выражена. И Ренате Лахманн заметила, что феномен истерии Достоевский толкует неоднозначно, то есть, он к ней относится как к психической болезни и как к проявлению общей нервозности (Лахманн 2006). В отличие от других героев, в случае Лизы Достоевский толкует истерию как психическую болезнь³.

Описывая Лизу, Достоевский описал и некоторые симптомы истерии, но не слишком детально. О некоторых симптомах мы узнаем благодаря тому, что они появились перед глазами рассказчика, а об других из разговоров героев. Самыми яркими симптомами являются падение в обморок, неправильное выражение чувства, преувеличенность желаний или антипатий. Шахадат, описывая Лизу написала, что «ее поведение отличается нестабильностью, ее жених Маврикий Николаевич говорит о чувственных “метаморфозах” Лизы. Ее выступления в обществе всегда театральны, они предстают как гипертрофированные чувства» (Шахадат 1999:5). Вместе с нестабильным поведением, для Лизы характерен и истерический смех. Этим смехом она выражает

---

³ К такому пониманию истерии можем отнести и Марию Лебядкину и профессора Степана Трофимовича. Лебядкина, кроме того что является истеричкой, она – хромая и ограниченная умственными способностями, так что её истерия впадает в другой план её характера. Напротив, у Степана Трофимовича истерия очень выражена, и он на самом деле представляет одного из первых мужских героев, который страдает от истерии.

грусть и страдания, а не радость. Такая обратная логика, то есть рассогласование чувства и поведения часто встречается у истериков.

Хорошим примером её изменения настроения является сцена в церкви. Лиза попросила Маврикия стать на колена, и после того как он стал, она начала кричать чтобы он встал *«Если не станете - и не приходите ко мне. Непременно хочу, непременно хочу!..!./ Лиза вдруг побледнела, вскрикнула, ахнула и бросилась за решетку. Тут произошла быстрая, истерическая сцена: она изо всех сил стала подымать Маврикия Николаевича с колен, дергая его обеими руками за локоть. Вставайте, вставайте! - вскрикивала она как без памяти, - встаньте сейчас, сейчас! Как вы смели стать! Маврикий Николаевич приподнялся с колен. Она стиснула своими руками его руки выше локтей и пристально смотрела ему в лицо. Страх был в ее взгляде»* (Достоевский 1994:209-210). Этой сцене присутствовал и рассказчик, но как мы уже сказали, некоторые симптомы узнаем из разговоров героев *«Впрочем, все уже знали, что она ездит верхом по приказанию докторов, и при этом едко говорили об ее болезненности. Она действительно была больна. Что выдавалось в ней с первого взгляда – это ее болезненное, нервное, непрерывное беспокойство. Увы! бедняжка очень страдала, и все объяснилось впоследствии»* (Достоевский 1994:71).

По мнению Фрейда, истерия появляется из-за психической травмы, а нередко у истериков наблюдаем присутствие неугасимого желания. Достоевский прямо не указал на её травму, но мы можем предложить, что является причиной её истерии. Её травма и неугасимо желание близко связаны с Николаем Ставрогиным.

Читателю не совсем ясно, что случилось между Лизой и Ставрогиным в Швейцарии. Понятно только, что у них есть история. Некоторые говорили, что Ставрогин Лизе «погубил честь» в Швейцарии. С уверенностью можем сказать, что она влюбилась в него. Она это показывает и сильной ревностью к Даше, которая, как и сама Лиза, интимно познакомилась со Ставрогиным, и к Лебядкиной, его законной жене. *«Но всего более поразил меня вид Лизаветы Николаевны с тех пор, как вошла Дарья Павловна: в ее глазах засверкали ненависть и презрение, слишком уж нескрываемые»* (Достоевский 1994:109). То, что у них не развилась любовь, и что он отбросил её, сильно повлияло на Лизу. Даже можно говорить и о психической травме, которую такое поведение Николая вызвало у Лизы. Кажется, что яснее все это понимал Маврикий Николаевич, жених Лизы. Он Ставрогину и сказал, что Лиза – несчастлива из-за него, что она и любит и ненавидит Николая: *«Из-под непрерывной к вам*

ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь и... безумие... самая искренняя и безмерная любовь и – безумие /.../На всем свете только вы (Ставрогин) одни можете сделать ее счастливою, и только я один - несчастною. Вы ее оспариваете, вы ее преследуете, но не знаю почему не женитесь. Если это любовная ссора, бывшая за границей, и, чтобы пресечь ее, надо принести меня в жертву, - приносите. Она слишком несчастна, и я не могу того вынести» (Достоевский 1994:240).

В отличие от психической травмы, о которой Достоевский не говорит много, неугасимое желание Лизы соединиться с Ставрогиным отражается на её поведении в большей части романа. У Лизы неугасимое желание, на самом деле, имеет сексуальный характер, о чём писал и Фрейд, описывая причины истерии. Такое желание сильнее всего выражено в её предложении, которое она сказала Ставрогину после их совместной ночи. В этой ночи она добилась своей жизненной цели: *«Слушайте, я ведь вам уже сказала: я разочла мою жизнь на один только час и спокойна»* (Достоевский 1994:327). Полевое отношение Лизы и Николая меняет Лизу. Кажется, что до того она любила его сильнее. Она ненавидела других женщин, с которыми он связывался. Её истерические припадки в основном были связаны с ним. Например, узнав о Лебядкиной и её отношении с Ставрогиным, Лиза *«болезненно рассмеялась. Остроты и намеки были плоски, но ей очевидно было не до славы. - Истерика! - шепнул мне Петр Степанович. - Поскорее бы воды стакан. Он угадал; через минуту все суетились, принесли воды. Лиза обнимала свою мамá, горячо целовала ее, плакала на ее плече, и тут же опять откинувшись и засматривая ей в лицо, принималась хохотать»* (Достоевский 1994:127). Тоже, увидев, что Шатов ударил Ставрогина, она крикнула и пала в обморок и несколько дней после того провела в кровати, больна. Но, после их совместной ночи, она стала более холодной к нему. Она поняла, что он не любит её, несмотря на то, что он ей сказал иначе *«Я дурная, капризная, я оперною ладьей соблазнилась, я барышня... А знаете, я все-таки думала, что вы ужасно как меня любите. Не презирайте дуру и не смейтесь за эту слезинку, что сейчас упала. Я ужасно люблю плакать "себя жалеючи"»* (Достоевский 1994:326). Снова появляется ненависть к нему, но одновременно и чувство стыда. Поэтому она и начинает истерически смеяться, увидев, что Маврикий узнал о её ночи со Ставрогиным.

Лиза получила что хотела, но это не успокоило её. Но, она получила только сексуальное удовлетворение, но не и его любовь. Лиза думала, что Ставрогин не любит её из-за Лебядкиных. Дело в том, что во время любовного свидания Лизы с

Николаем Лебядкины погибли в пожаре. Лиза умирает перед их домом, под рукой людей, которые считали её частично виноватой за смерть Лебядкиных. Поэтому, она представляет и трагичную героиню, которая умирает из-за своей любви и болезни.

Мы считаем, что эти приведённые примеры показывают Лизу как истеричку, а не как женщину нервного поведения. Она находится близко от этой границы, но надо учитывать и как истерия толковалась в этот период. Достоевский описал истеричку 19-ого века, опираясь на доступные ему информации. Она, как и другие истерички, говорить телом и её поведение выражает её внутреннее состояние. Но её истерия не является константой, а появляется в определённых ситуациях. Речь идёт о ситуациях, связанных с Ставрогиным, то есть с причиной её истерии. Эти ситуации и появления истерических симптомов отражают особенность героев Достоевского выразить свои характеристики своими словами, а не словами рассказчика, и показать незаконченность и непостоянность своей личности.

5.2. Рената

В Ренате можно обнаружить симптомы истерии, как например удушье, сильные нападения, паралич конечностей, падение в обморок, отсутствие способности говорить, необычное движение, неправильное выражение чувства, преувеличенность желания или антипатий, откровенно сексуальное поведение, демонстративный отказ от секса. Очень интересным является то, что все эти симптомы истерии Брюсов связывает с одержимостью дьяволом, что полностью соответствует понятию истерии в XVI веке. Как Шахадат написала, Брюсов превратил истеричку символизма в её средневековую предшественницу, ведьму. Он и описал её истерические реакции как нападение демонов: *Только казалось мне, что на этот раз дух находился не во всём теле Ренаты, /.../, хотя всё же тело её извивалось ужасно, вывертывая члены так, словно кости должны были прорвать мускулы и кожу. Опять не было у меня средств помочь подвергнутой пытке, и я только смотрел на лицо Ренаты, совершенно искажённое, словно бы выглядывал из её глаз некто другой, и на все чудовищные изгибы её тела, пока наконец добровольно не отпустил её демон* (Брюсов 2006:94).

Если следить за дефиницией Фрейда, что истерия является из-за психической травмы и неугасимого желания, то Рената является типичной истеричкой. В случае Ренаты, вместе со многими симптомами, наблюдаем обе причины истерии. Травма и желание Ренаты, как и у Лизы, находятся во взаимоотношении.

Главная травма Ренаты состоит в том, что её отбросили и ангел Мадизель, и граф Генрих. Уже в начале дружбы Ренаты и Рупрехта, она ему рассказала о своей жизни, а самое главное – о своей любви к Мадизэлю. Мадизель явился Ренате в детстве. Он хотел, чтобы она вела «строгую жизнь подвижницы» (Брюсов 2006:52), но она влюбилась в него. В Ренате появилось сексуальное желание. *«Придя в возраст и видя, что девушки её лет имеют женихов или возлюбленных, Рената приступила к своему ангелу с настойчивой просьбой, чтобы он сочетался с нею и телесно»* (Брюсов 2006:52). Поэтому он и ушёл от неё. Это представляет её первую травму. Она плакала, лежала мертвой, билась головой из-за его ухода. Всё это закончилось новым появлением Мадизэля, когда он ей обещал вернуться в образе человека. Рената узнаёт Мадизэля в графе Генрихе.

Совместная жизнь с Генрихом для Ренаты представляет самый счастливый период её жизни, а конец этого периода – сильную травму. Рассказывая Рупрехту об этой части своей жизни, она говорит, что граф исчез, а на самом деле он убежал. Фрейд заметил, что многим больным неловко говорить о травме и, что часто они не осознают связь между этой травмой и психическими расстройствами (Freud, Breuer 2000). Именно со времени уезда Генриха, у Ренаты начинаются истерические психозы: *«Рената ждала его несколько недель; но без своего руководителя не умела она защищаться от нападения злых духов, и они стали мучить её беспощадно»* (Брюсов 2006:54). В то же время даёт знать о себе и вторая причина её истерии - неугасимое желание соединиться снова с Генрихом. В отличие от Лизы, у Ренаты значительно легче определить её травму, поскольку она и говорит об этом. Её травма рождает её желание.

Генрих стал целью её жизни. Она делает всё, чтобы найти его. Неудачные поиски только усиливают её психозы: *«Отвечайте: придёт ли мой Генрих? Ответа не было. Вдруг все силы покинули Ренату, и она упала бы на пол, как сражённая пулей, если бы я не подхватил её /.../ Я перенёс Ренату в её комнату, на постель, где она рыдала долго и бессильно, на этот раз в полной немоте, в невозможности вымолвить ни одного слова /.../ Утром, после той ночи, когда тщётно ждали мы графа Генриха, Рената была решительно не в силах подняться с кровати, не могла пошевелить левой рукой и жаловалась, что в голову её словно заколочен острый гвоздь⁴»* (Брюсов 2006:95). Можно прийти к заключению, что желание одновременно даёт ей смысл жизни и уничтожает её жизнь. Интересным является то, что Рената, не получив желаемую

---

⁴ В этом параграфе узнаём и несколько очень частых симптомов истерии, таких как, например, паралич конечностей, падение в обморок, отсутствие способности говорить.

любовь Генриха, находить утешение в Рупрехте. Она даже и чувствует себя лучше, её нападения исчезают. Но ненадолго. Её неугасимо желание не исчезло, и нападения снова появились. Краткий период счастья с Рупрехтом заканчивается тем, что она убежала от него и Мадизель ей снова указывает. Неугасимое желание полностью исчезает только благодаря её соединению с Мадизелем. Кажется, что Рупрехт Ренате, как и Маврикий Лизе, не мог помочь.

Отношения между Ренатой и Рупрехтом являются очень сложными. Она пользуется Рупрехтом из-за своей цели, и, одновременно, он ей помогает при психозах. Но нельзя сказать, чтобы она только пользовалась им. Между ними возникла какая-то странная любовь. Существовали разные фазы, периоды этой любви. Сначала, они любили друг друга как друзья, потом Рупрехт наслаждался тем, что ухаживает за ней, что защищает её. После дуэли Рупрехта и Генриха, между Рупрехтом и Ренатой рождается настоящая любовь. Но всё время в их отношениях чувствуется определённая ненависть. Это, прежде всего, из-за переменчивости настроения Ренаты. Эти перемены настроения связаны с истерией, с симптомами типа преувеличенности желания или антипатий, откровенного сексуального поведения и демонстративного отказа от секса. Так, например, она говорит Рупрехту, что любит его, потому что он не убил Генриха. Чуть позже, она не хочет пойти за него замуж, потому что он не убил Генриха. Таких примеров много. Самые интересные перемены происходят к самому концу их совместной жизни. Они, в основном связаны с их половыми отношениями: «-- *Рупрехт! Рупрехт! Мне больше ничего не надо, только ты люби меня; я не хочу ни блаженства, ни рая, я хочу, чтобы ты был со мной, чтобы ты был мой, а я -- твоя. Я люблю тебя, Рупрехт! Но зато, когда миновал порыв страсти /.../ но потом так же быстро поднялась, бледная, гневная, и стала бросать в меня упрёки: -- Рупрехт! Рупрехт! Что ты сделал! Я знаю, тебе только одно это и нужно! Я знаю, ты во мне ничего другого не ищешь, не хочешь. Но зачем тогда я тебе? Иди в публичный дом, -- там ты за малые деньги найдёшь себе женицин. Предложи себя любой девушке, и ты получишь жену, которая будет тебе служить каждую ночь. Но тебе нравится искушать меня именно потому, что я отдала свою душу и своё тело Богу!» (Брюсов 2006:240).*

Жизнь Ренаты заканчивается в монастыре. Перед смертью, на инквизиционном суде, она в первый раз рассказывает все мелочи её одержимости дьяволом, то есть, все мелочи её болезни. Она совсем холодно и искренно отвечала на вопросы, зная, что из-

за такого преступления ей следует смертная казнь. К ней вернулся Мадизель, и она в этом нашла утешение и спокойствие. Она помирилась с болезнью, в ней больше не было силы: *«Я прощаю, я всё прощаю, и тебе и Генриху, потому что Мадизель всё простил мне. Мне хорошо, мне больше ничего не надо. Но оставь меня одну; дай мне быть с ним»* (Брюсов 2006:367). В отличие от Лизы, Рената перед смертью нашла свой мир.

Очень интересную роль играет Рупрехт. Кроме того, что он ей помогает, он является психоаналитиком. Читатель познакомился с истерией Ренаты в таком виде, в каком её воспринимает Рупрехт. Он переводит её истерическую речь, чтобы объяснить эту речь читателю. Он, как хронист её болезни, описывает её психозы, мучения и настроения (Шахадат 1999). Такое отношение Рупрехта наблюдается в параграфе: *«вдруг в её глазах произошла разительная перемена. Я увидел, что черты её дрогнули, что губы её искривились сначала чуть заметно, потом мгновенная судорога свела её лицо, во взорах её вдруг отразился несказанный ужас, -- и в один и тот же миг и я понял, что произошло с ней»* (Брюсов 2006:334). Всю историю её болезни, все мелочи её состояния нам рассказывает Рупрехт научным тоном. Этим тоном он и выражает свою любовь к Ренате, в этом тоне наблюдается сочувствие и нежность.

Если и существуют некоторые недоумения в связи с Лизой, является ли она истеричкой или не, у Ренаты таких недоумений нет. Её симптомы невозможно отнести к нервному поведению, а именно к истерии, то есть одержимости. Она, кроме резких перемен настроения и сильных реакции на эмоции, страдает от паралича конечностей, падения в обморок, отсутствия способности говорить. Рената на самом деле является детальным и достоверным изображением истерической женщины. Брюсов в Ренате описал Нину, и он своими глазами увидел большинство описанных реакции и поступков. Поэтому Рената немножко отличается от случаев одержимых женщин, с которыми Брюсов познакомился. Это заметил Белецкий и написал, что *«прихотливые изломы ее настроений, резкие переходы от любви к ненависти, от греха к покаянию, конечно, до известной степени объясняются ее истерией; но ни в художественной литературе эпохи Ренессанса, ни в обстоятельных протоколах ведьмовских процессов мы не найдем ничего подобного этой изломанности»* (Белецкий 1993:30). Эту особенность Ренаты можно объяснить и интересами писателей символизма, но об этом ещё будет речи впереди.

5.3. Сходства и различия Лизы и Ренаты

Мы уже сказали, что истерия является общей характеристикой Лизы и Ренаты. Они обе говорят своим телом, которое выражает их внутреннее состояние. Здесь важную роль играют рассказчики. И Антон Лаврентьевич и Рупрехт являются вроде бы психоаналитиками, которые переводят истерическую речь Лизы и Ренаты, чтобы читателям объяснить их речь и поведение. Их истерия как сходство наблюдается в их поведении, но одновременно наблюдаем и некоторые сходные ситуации в жизни этих двух героинь.

И Рената и Лиза пережили тяжёлую психическую травму, которая отразилась на их здоровье, поведение и мировоззрение. Дело в том, что обе женщины страдают от психической травмы, но эта травма у обеих имеет одну и ту же причину – их покинул любовник. Брюсов показывает, что именно после такой травмы у Ренаты начинаются нападения, пока Достоевский прямо не указывает на начало болезни Лизы, но надо заметить, что, говоря о жизни Лизы в Швейцарии, истерия не упоминается. После появления травмы у обеих героинь, появляется неугасимое желание соединиться с их любовниками. Это представляет ещё одну сходность Лизы и Ренаты. Они обе влюблены и страдают из-за своей любви. Можно заключить, что и у Ренаты и у Лизы причины истерии, и травма и желание, имеют сексуальный характер. Интересным является и то, что и Лиза и Рената манипулировали мужчинами, которые их любили – Маврикием и Рупрехтом.

Их соединяет и очень откровенное сексуальное поведение, даже слишком откровенное, учитывая, что они жили в XVI и XIX веках. Такое поведение играет не малую роль в их отношениях с окружающей средой. Откровенное сексуальное поведение, которое считается одним из симптомов истерии, женщинам этих веков было недопустимо. Смерть героинь представляет вершину осуждения такого поведения со стороны общества. Рената умирает в течении процесса испытания инквизицией, которая должна была казнить её смертью из-за её связи с дьяволом, сексуальных удовлетворений и колдовства. Лизу, с другой стороны, убили граждане, которые собрались около дома Лебядкиных. Дом Лебядкиных сгорел, а Лебядкины не успели выйти из него. Зная, что Лебядкина была законной женой Ставрогина, а Лиза его любовницей, люди считали Лизу частично виноватой за смерть Лебядкиных. Лизу и Ренату, имея в виду их болезнь и способ смерти, можно считать и трагичными героинями.

Лиза и Рената имеют много сходного, но одновременно они и довольно отличаются друг от друга. Лиза, в отличие от Ренаты, ещё является частью окружающей среды, общества. Рената почти все время проводит в своей комнате и разговаривает только с Рупрехтом. Лиза кажется более способной к самостоятельному действию и стабильнее, но не в значительной мере. Лиза – делает вид независимой женщины, сильной. Достоевский описал, что она появляется «как победительница и чтобы победить», она кажется гордой и даже иногда дерзкой (Достоевский 1994:71). Но её болезнь нарушает этот вид. Припадки, нападения и сильные перемены настроения показывают, что она не так сильна. С другой стороны, Рената только в некоторых моментах делает вид разумной и самостоятельной женщины. И первые слова, которые Рената произносит, указывают на неспособность и слабость Ренаты «Наконец это ты, Рупрехт! У меня нет более сил!» (Брюсов 2006: 47). Такая разница в их силе и зависимости особенно видна в их отношениях с любовниками. Лиза старается не показать Ставрогину, насколько она влюблена в него. Только к концу она говорит ему, что и на край света за ним пойдет, как собачка. Рената и Генриху и Мадизлю с самого начала показала, что они на самом деле владеют ею.

Есть разница и в толковании их болезни авторами. Пока Достоевский Лизу описывает как женщину, страдающую психическими заболеваниями, Брюсов Ренату описывает как одержимую дьяволом. И это не представляет главную разницу в трактовке их болезни. Прочитав оба романа, сразу бросается в глаза, что у Ренаты истерия более выражена. Симптомы Ренаты сильнее, чем у Лизи. Рената, вместе с припадками и изменениями настроения, страдает и от паралича конечностей, иногда теряет способность говорить и прочее. У Лизы таких сильных нападений нет, но это не значит, что она не страдает от истерии. Рената, как будто страдает от более сильного вида истерии. Нам не кажется правильным сказать, что Рената больна в большей степени, чем Лиза, но одновременно эту разницу в интенсивности нельзя игнорировать. Считаем, что более сильную степень истерии у Ренаты можно объяснить несколькими аргументами. Учитывая некоторые особенности романов, авторов и эпох, в рамках которых эти авторы работали, более выраженная истерия Ренаты становится логичной. Постараемся показать почему.

6. Превосходство Ренаты. Почему образ истерички написан более ярко у Брюсова, чем у Достоевского

Существует несколько возможных причин превосходства Ренаты над Лизой, если говорить об истерии. Начнём с самой логичной причины, то есть, обратим внимание на роль, которую Лиза и Рената играют в романах. Прочитав оба романа, мы, условно говоря, познакомились с Ренатой, в большей степени, чем с Лизой. Мы узнали почти все характеристики Ренаты, поэтому она и кажется более истеричной, чем Лиза. Пока Рупрехт описывает мелочи её нападения, рассказчик Бесов, Антон Лаврентьевич, не обращает внимания на мелочи болезни Лизы.

Такую разницу в подходе к героине, во-первых, можем объяснить тем, что Рената является главной героиней романа, а Лиза - одним из многих героев романа. Брюсов, готовясь написать роман, писал Нине Петровской, что «взял лист белой бумаги и стал писать. И знаю, и чувствую, и вижу, что могу писать, что никаких книг, никаких изучений мне не нужно. Чтобы написать Твой роман, довольно помнить Тебя, довольно верить Тебе, любить Тебя» (цит. по Гречишкин, Лавров 2009:1). Роман *Огненный ангел* – это роман об истеричке. Она является главной героиней, а её состояние и болезнь почти главной темой. Если и не главной темой, её состояние отражает все перемены отношения между героями. Мы уже сказали, что Брюсов готовился написать исторический роман, но в центр сюжета решил поставить истеричку и её историю любви. В отличие от неё, Лиза имеет совсем другую функцию в романе. Её болезнь не играет большую роль в сюжете романа. Может быть, что самое хорошее определение роли Лизи дал Пётр Верховенский в разговоре со Ставрогиным, когда сказал ему: *«Я вам привез ее единственно, чтобы вас позабавить и чтобы доказать, что со мною вам скучно не будет /.../ Если же теперь она вам не нужна, на что я и рассчитывал /.../ Я отлично ее выдам за Маврикия Николаевича»* (Достоевский 1994:330-331). Достоевский в центр сюжета поставил, с одной стороны Николая Ставрогина, а с другой Петра Верховенского и его организацию. Используя Лизу, Достоевский указал на некоторые особенности Ставрогина. Но Лиза не представляет лишь средство, которым Достоевский показывает бездушие и черствость Николая. Достоевский также показал как Лиза переживает перемены отношений в окружающей её среде. Поскольку она не главная героиня, он не придал ей и её болезни столько внимания, сколько

Брюсов отдал Ренате. Поэтому Рената, между прочим, нам кажется более истеричной, чем Лиза.

Превосходство Ренаты можно объяснить и тем, что Брюсов, изучая поведение Нины Петровской, отлично познакомился со всеми симптомами истерии. Поэтому ему было и достаточно легко описать все мелочи поведения истерической женщины. Кроме того, он интересовался психологией женщин. Такой интерес он показал и в своей книге рассказов *Ночи и дни* (1913) в которой «встретим верные наблюдения над современной действительностью. Лаконичен и изящен ее язык, но основная тема сборника – психология женской души, раскрытая исключительно в сфере любви - страсти, явно свидетельствовала о рецидивах декадентского мировоззрения и стиля (Муратова 1983:353). Также, надо иметь в виду, что он пользовался многими источниками о колдовстве и наказании ведьм, чтобы вернее описать Нину как Ренату. У Достоевского, насколько нам знакомо, появление Лизы не мотивировано настоящей женщиной. Но истерия не казалась ему странной болезнью. Набоков заметил, что большинство его героев страдает от какого-то психического расстройства, а женские герои в основном страдают от истерии. Достоевский любил таких героев, потому что с их помощью он показывал глубину человеческой души и незаконченность человеческой личности. Также, мы уже сказали, что Достоевский был знаком с современной ему психологией, и наверное знал кое-что об истерии. Очень интересной является статья Фрейда *Достоевский и отцеубийство*. Фрейд считал, что Достоевский не страдал эпилепсией, а истерией. Он также считал, что припадки Достоевского на самом деле являются симптомом истерии. Причину истерии у Достоевского Фрейд нашёл в отношении писателя со своим отцом, причём особенно важной является насильственная смерть его отца (Фрейд 2001). Шахадат считает, что Фрейд ошибочно истолковал эпилепсию Достоевского, и мы согласны с её мнением. Аргументы для такого мнения находим в его творчестве. Лахманн (2006) указала, что Достоевский, описывая истерию, иногда пользовался формулами и стереотипами, пока в описании эпилепсии такого стереотипного описания нет. Вернее, что описывая нападения Мышкина, он опирался на свои припадки, а описывая нападения Лизы, он пользовался медицинскими и психологическими источниками. А Нина Петровская представляет собой гораздо более выразительный пример, чем можно найти в медицинском источнике.

Последнее толкование разницы между Ренатой и Лизой связано с характеристиками эпох, в которых авторы работали. Другими словами, ставится вопрос, как

характеристики эпохи повлияли на образ истеричек у каждого из упомянутых авторов. В реализме произведения имели функцию анализа общества. Герои реализма были представителями определенной группы или класса в обществе. Писатель, сравнивая этих героев и описывая их социальные связи, анализирует общество в целом и показывает сущность социальных отношений (Flaker 1975). Но Достоевского невозможно полностью отнести к реалистам. Его романы представляют собой переход к модернизму. Он называл себя реалистом, но одновременно сказал, что его интересует глубина людской души. Не надо повторять, что это значить, но надо указать, что Достоевский пользовался таким приёмом и при описании Лизы. Лиза – с одной стороны представляет типичную истеричку XIX века. С другой стороны мы узнаем особенности её личности и болезни. Мы узнаем глубину её личности, а не только поверхностный уровень поведения. Но при описывании её личности, он не пользовался фантастикой, её симптомы не очень выраженные, так что он не преувеличивает её истерию, а наоборот он частично опирается на стереотип истерички, который существовал в XIX веке. Поэтому, она и является типичной истеричкой эпохи реализма, которую, если бы не было психического углубления и описания симптомов, можно было бы сравнить с нервной женщиной истерического поведения.

Ренату, наоборот, вообще невозможно отнести только к нервной женщине. Она, является слишком больной, слишком нервной и чувствительной. Описание её поведения, её болезни является типичным для эпохи символизма. Из многих характеристик символизма, мы можем остановиться на одной характеристике этого периода – лихорадочной погоне за эмоциями. Ходасевич в своей статье *Конец Ренаты* говорит, что культ личности, который появился в символизме, поставил императив саморазвития. Это на самом деле обозначало, что от каждого человека требовалась полнота одержимости. Отсюда и появилась погоня за эмоциями. С точки зрения символистов, личность становилась только «копилкой» переживаний. Переживания считались благом, их должно быть много и они должны быть сильны. Именно поэтому истерия является очень интересным феноменом. Истерики так сильно переживают свои эмоции, они, даже физически, страдают из-за своих эмоций и желаний. Они впитывали новые эмоции, как мешки, куда ссыпались накопленные без разбора эмоции (Ходасевич 1997:10). Рената представляет один из лучших «мешков», исполненный эмоциями. Её сильные переживания представляют силу, которая может уничтожить жизнь. Особенно важной является её влюблённость. Символисты считали любовь

самым сильным источником эмоций. Кроме того, «каждое разлюбление и новое влюбление должны были сопровождаться глубочайшими потрясениями, внутренними трагедиями и даже перекраской всего мироощущения» (Ходасевич 1997:11). Как уже упомянуто, состояние Ренаты ухудшается, после того как Мадизель и Генрих исчезают из её жизни. Тогда начинаются её психозы, но новое появления Мадизеля тоже очень сильно отражается на Ренате: *«И, глядя на её ревность, начал я понимать, что в душе Ренаты произошла не мимолётная перемена, но свершился какой-то большой переворот, изменивший надолго все её мысли, чувствования, пожелания, словно перестроивший по новому плану всё её существо»* (Брюсов 2006:230). Она переживает все символистические лирические необходимости: страсть, отчаяние, безумие, порок, грех, ненависть. Истерия, которая особенно привлекала Брюсова к Нине, стала сутью Ренаты. Истерия Ренаты позволила Брюсову выразит символистическую лихорадку за эмоциями, причём в её самом сильном виде.

Достоевский часто описывал героев, страдающих разными психическими заболеваниями, чтобы показать особенность человеческой личности. На примере Лизы он показал, каким способом окружающая среда влияет на психически нестабильную женщину. Он показал интеракцию истерички с другими и как эта интеракция отразилась на её понимание себя и других. Он на самом деле показал нам развитие и характеристики женщины, а описанные симптомы истерии и травмы и желания, дают более полную картину её характера и помогают объяснить её необыкновенное поведение. Достоевский не обращал столько внимания на её истерию, сколько на её отношение со Ставрогиным, но всегда надо имеет в виду связь этих двух элементов Лизы как личности. В отличие от него, Брюсов подчёркивал истерию Ренаты. Описывая Ренату, он упоминал очень сильные симптомы истерии, такие как паралич конечностей и невозможность говорить, которые у Лизы не встречаем. Достоевскому такие симптомы и не были нужны, чтобы Лизу показать истеричкой. Брюсову они были нужны, чтобы показать истерию как вершину лихорадки за эмоциями. Настаивая на сильных переживаниях Ренаты, Брюсов подчеркнул ею истерию, а поэтому она и является, условно говоря, сильнее Лизы.

7. Заключение

Нам не известна ни одна научная работа, которая занимается историей истеричек в художественной литературе, несмотря на то, что в художественной литературе часто встречаем таких героинь. Герои, страдающие истерией, как мы уже сказали, являются очень интересными из-за своего необыкновенного поведения, живости и подвижности. Они сильнее других реагируют на внешние раздражители. Они являются более чувствительными, а это видно по их ярким переживаниям разных эмоций. Мы в нашей работе занимались двумя истеричками русской литературы, которых описали Достоевский и Брюсов. Речь идет о писателях реализма и символизма.

Истерия в истории толковалась не одинаково. Она считалась болезнью матки, поэтому только женщины страдали от неё. Считалось, что появление истерии, между прочим, зависит и от половой жизни пациентов, отсюда и определенная негативная стигма истерии. Важную роль в истории истерии играет и религия, а это особенно видимо в течение средних веков. Только в XIX веке истерия стала психической болезнью, и в том же веке берёт начало современное толкование и лечение истерии. Не только, что истерия начала рассматриваться в рамках медицины и психологии, но и литература и источники истерии стали более доступными. Как мы уже показали, и Достоевский и Брюсов, описывая свои героини, опирались на разные источники, так что их истерички обладают почти всеми характеристиками и симптомами, присущими этой болезни. Не только, что они их описали опираясь на объективное знание, но они и показали разные этапы в истории истерии. Брюсов показал средневековое понимание истерии, когда больные считались одержимыми дьяволом, а Достоевский описал истеричку XIX века. Несмотря на такое различное определение истерии, можно обнаружить много схожих черт между Лизой и Ренатой.

Их главное сходство – истерия. Они, в отличие от многих других литературных героинь, являются настоящими истеричками, а не женщинами нервного, истерического поведения. Лиза и Рената показывают многие симптомы истерии, но главным указателем являются причины их болезни описанные авторами. У обеих истерия появилась из-за сильной психической травмы и неугасимого желания соединиться с любовником. Их соединяет истерия, то есть расстройство, которое является последствием их невозможности справиться с обстоятельствами их жизни. Сравнение Лизы и Ренаты возможно благодаря именно этому сходству.

В работе мы обратили внимание не только на сходства, но и на различия между Лизой и Ренатой. Мы показали, что у Ренаты истерия более выраженная, чем у Лизы. У Ренаты симптомы более выражены, и кроме того у нее встречаем симптомы истерии, которых у Лизы нет. Такое превосходство Ренаты можно объяснить тем, что она, в отличие от Лизы, является главной героиней романа, но и тем, что Брюсов описывая Ренату, описал на Нину Петровскую - свою истеричную любовницу. Брюсов смотрел на истерическую женщину, поэтому и был более знаком с болезнью, чем Достоевский. Но самое интересное толкование этого случая заключается в том, что Рената представляет лихорадочную погоню за эмоциями, присущую эпохе символизма. Истерию характеризует сильное переживание эмоций, а такое сильное переживание представляло вроде бы необходимость и писателей и героев символизма. Поэтому Брюсов и подчеркнул истерию Ренаты, поэтому она и сильнее Лизы.

Несмотря на более выраженную истерию Ренаты, считаем, что она представляет новую страницу в истории литературных истеричек, которую начал Достоевский. Разницы между Лизой и Ренатой не являются достаточной причиной, чтобы прийти к выводу о невозможности сравнения этих двух героинь. Достоевский и Брюсов наверно и понимали истерию каждый по своему, но на образ Лизы и Ренаты, по нашему мнению, наиболее влияние оказало понимание роли и функции литературы и искусства самых авторов. Достоевский считал главной задачей показать глубину человеческой души и личности, а Брюсов считал, что все в жизни должно служить литературе. Лиза – героиня Достоевского, почти типичная истеричка XIX века, а Рената – лучший пример «мешка», исполненного эмоциями. Рената является наследницей Лизы, перенесенной в другое время и на другое место (Шахадат 1999). Замечательным является то, что это другое время (символизм), может быть, и описал уже один истерик Достоевского. Профессор Степан Трофимович Верховенский, который олицетворяет тип истерического мужчины еще до того, как декадентские художники узурпировали женскую болезнь истерии, как поведенческий прототип (Шахадат 1999), сказал, что мир и без хлеба и науки продолжит существовать, но без красоты это невозможно (Достоевский 1994). Мнение истерического героя Достоевского, что красота спасет мир, станет художественной максимой символизма.

8. Резюме на хорватском языке (Sažetak na hrvatskom jeziku)

U radu se analiziraju dvije junakinje ruske književnosti koje pate od psihičkog poremećaja - histerije. Riječ je o Lizi Tušinoj, junakinji romana Fedora Dostoevskog *Bjesovi*, i Renati, junakinji romana Valerija Brjusova *Ognjeni anđeo*.

Budući da sam termin „histerija“ ima više značenja, opisali smo njegovu kratku povijest te naveli glavne simptome i indikatore histerije kao bolesti. Ukazali smo na razlike među „histeričnim“ književnim likovima. Te likove smo podijelili na one koji zaista boluju od histerije i na one nervoznog i „histeričnog“ ponašanja u razgovornom smislu riječi.

I Liza i Renata zaista boluju od histerije. Osim što su im Dostoevskij i Brjusov pripisali neke tipične simptome histerije, oni su opisali i psihološku podlogu, razlog pojave te bolesti u njih. Slijedeći Freudovo shvaćanje histerije, bolesno stanje navedenih junakinja možemo objasniti oslanjajući se na dva argumenta. Prvi je psihološka trauma koju su i Liza i Renata doživjele kada su ih napustili ljubavnici, a drugi je argument njihova neutaživa želja da se ponovno s njima sjedine. U radu su navedeni simptomi od kojih pate junakinje, opisano je njihovo ponašanje i istaknute su osnovne karakteristike njihovih ličnosti.

Iako obje junakinje boluju od histerije i imaju doista mnogo zajedničkih osobina, postoje i značajne razlike među njima. Lako je uočiti da je kod Renate histerija izraženija. Ne samo da su simptomi bolesti u nje jače izražni nego je njezina histerija sprečava i da normalno funkcionira u društvu. S druge strane, premda Liza ima poteškoća u društvenoj interakciji, ona ipak nije izolirana kao Renata. Postoji nekoliko mogućih objašnjenja te razlike među njima. Kao prvo, čitatelj ima priliku bolje upoznati Renatu budući da je ona, za razliku od Lize, glavni lik romana. Nadalje, Brjusov je u Renati opisao svoju ljubavnicu Ninu Petrovsku koja je i sama bolovala od histerije. Zbog toga je vjerojatno i bio bolje upoznat s fenomenom te bolesti od Dostoevskog. No tu razliku u intenzitetu histerije moguće je objasniti i polazeći od načina na koji su Dostoevskij i Brjusov shvaćali ulogu književnosti. Ideje koje su prevladavale u simbolizmu i koje je Brjusov zastupao mogu objasniti zašto je histerija Renate toliko izražena.

Ključni pojmovi: histerija, simbolizam, *Bjesovi* F. Dostoevskog, *Ognjeni anđeo* V. Brjusova

9. Литература

- Borossa, J. (2003) *Histerija*. Zagreb: Jesenski i Turk.
- Davison, G. i Neale, J. (2002) *Psihologija abnormalnog doživljavanja i ponašanja*. Jastrebarsko: Naklada Slap.
- Ender, E. (1995) *Sexing the Mind: Nineteenth-Century Fictions of Hysteria*. Cornell University Press.
- Flaker, A. (1975) «Novija ruska književnost», u: *Povijest svjetske književnosti, knjiga 7* (ur. A. Flaker), Zagreb: Mladost, str. 269-404.
- Freud, S. i Breuer, J. (2000) *Studies on hysteria*. USA: Basic books.
- Simmons, E. J. (1940) *Dostoevsky - The Making of a Novelist*. New York: Vintage books.
- Бахтин, М. М. (2002) *Проблемы поэтики Достоевского*. Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden».
- Белецкий, А. (1993) «Первый исторический роман В. Я. Брюсова» http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_0370-1.shtml 15.08.2010.
- Белый, А. (2006) «"Орфей" изводящий из Ада». в *Огненный ангел*, Санкт-Петербург: Азбука-класика, 429-442.
- Брюцов, В. (2006) *Огненный ангел*, Санкт-Петербург: Азбука-класика.
- Гречишкин, С. С, Лавров А. В (2009) «О работе Брюсова над романом «Огненный Ангел»», <http://www.trediakovsky.ru/content/view/56/41/> 25.08.2010.
- Гречишкин, С. С, Лавров А. В (2010) «Биографические источники романа Брюсова "Огненный Ангел"», <http://www.trediakovsky.ru/content/view/63/41/> 25.08.2010.
- Достоевский, Ф. М. (1994) *Бесы: роман в трёх частях*. Москва: Издательство Москва.
- Келдыш, В. (2007) *История русской литературы конца 19 – начала 20 века. Том 2*. Москва: Академия.
- Лахманн, Р. (2006) «Исторический дискурс Достоевского» <http://www.ec-dejavu.net/h/Hysteria.html> 12.06.2010.
- Леонгард, К (2001) *Акцентуированные личности*. Москва: ЭКСМО-Пресс.
- Минц, З. Г. (2006) «Об эволюции русского символизма» <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/evoliucija.html> 02.09.2010.

- Муратова, К. Д. (1983) *История русской литературы в четырех томах. Том четвертый. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917)*. Ленинград: Наука.
- Набоков, В. (1999) *Лекции по русской литературе*. Москва: Независимая газета.
- Прийма, Ф. Я, Пруцков Н. И. (1982) *История русской литературы в четырех томах. Том третий. Расцвет реализма*. Ленинград: Наука.
- Руднев, В. П. (2002) *Характеры и расстройства личности*. Москва: Класс.
- Фрейд, З. (2001) «Достоевский и отцеубийство»,
<http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html> 04.09.2010.
- Ходасевич, В. (1997) "Конец Ренаты", в: *Собранные сочинения в четырёх томах, Т. 4 (Некрополь. Воспоминания. Письма.)*, Москва: "Согласие".
- Шахадат, Ш. (1999) «Инсценированные страсти»,
http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_02/1999_2_03.htm, 15.07.2009.
- Якубик, А. (1982) *Истерия*. Москва: Медицина.